

обусловлены стремлением рассказчиков доказать извечную принадлежность Зауралья России, убедить слушателя в том, что предки информанта были первыми засельщиками этих земель. В образной форме информанты утверждают свою кровную связь с землей, на которой жили и трудились поколения их предков. Чувство сопричастности событиям далекого прошлого, эмоциональное воспроизведение семейной истории находят отражение в использовании образно-выразительных средств, в отборе и воплощении в сюжете семейных преданий и рассказов, тех мотивов местной прозы, которые позволяют создать идеальный образ пращура.

Примечания

1. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. М.-Л.: Наука, 1983. Т. 37. С.54–79.

2. Абрамов Н. Описание Березовского края // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22

© Е.Г. Позднякова

Курган

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА ЕРМАКА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА

Образ Ермака занимает особое место как в исторических песнях, так и в произведении Н.М. Карамзина. И хотя в исторических песнях главной задачей является изображение отношений казаков с царем, а в «Истории государства Российского» – показ подвигов Ермака и казаков, их мудрости в управлении завоеванными землями, и исторические песни, и Карамзин подчеркивают талантливость, незаурядность и ум Ермака и казаков, этих простых людей, умевших мыслить государственно и разумно. Народный взгляд и взгляд писателя на личность и деятельность Ермака, таким образом, совпадают.

25 мая 1820 г. Н.М. Карамзин приступает к работе над VI главой IX тома «Первое завоевание Сибири». По свидетельствам современников, работа эта продвигалась быстро, но Карамзин жаловался на недостаток материалов, хотя им было получено несколько ящиков архивных материалов: «Повесть о взятии Сибирской земли» (Строгановская Летопись), «История о Сибирской земле и о Царствии», «Сказание о Сибирском царстве», «Новый Летописец» (Степенные рукописные Книги), «Тобольский Летописец», «Есиповская Летопись», «Ремезовский Летописец», «Степенная Книга» и др. Несомненно, что на создание образа казацкого атамана повлиял и сборник Кирши Данилова, положительно оцененный Карамзиным (сохранились воспоминания о том, что сам Карамзин намеревался выпустить сборник лучших русских песен)

Прежде всего, писатель использовал исторические песни сборника, недаром в тексте «Истории...» имеются переклички, что придает прозе Карамзина объективность и народность.

Неожиданно в его руки попала уникальная Сибирская летопись. Работа пошла, закипела еще более споро, и 9 июля Карамзин торжественно сообщает другу Дмитриеву: «Я кончил главу о завоевании Сибири: вот еще поэма Ермаку!»

Карамзин избирает героями русской истории казака и его войско. Для исторического исследования это было новым.

Глава о Ермаке и покорении Сибири заслуживает особого внимания. Она следует сразу же за изложением печального исхода Ливонской войны, в которой Иван IV, по словам историографа, «оказал всю слабость души своей униженным тиранством... изгубив столько людей и достоинства». Автор прямо обвинял царя в поражении. Его трусостью, отсутствием полководческого дара объяснял «удивительное бездействие наших сил». От бесчестия и позора Россию спасло только героическое сопротивление Пскова, выдержавшего осаду искусного полководца Стефана Батория. С мужеством псковичан сопоставляет Карамзин подвиги Ермака и его дружины, то и другое противопоставляет трусливому смятению Иоаннову, столь дорого обошедшемуся России. С этого, собственно, и начинается глава о завоевании Сибири.

В отличие от исторических песен, где главной целью ставилась задача показать взаимоотношения царя и казаков, задача Карамзина-историка – изображение покорения Сибири. Карамзин-писатель создаст образ атамана Ермака, талантливого полководца и мужественного человека, воспевая его в своей «поэме».

Образ Ермака в «Истории государства Российского» дан в развитии – от беглого атамана волжских разбойников до народного Героя. Именно таким Героем он и остался в памяти народной, таков он и в произведении Карамзина.

Вот как описывает своего героя Карамзин: «Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного». Автор говорит о своем герое с особой теплотой. И здесь сказывается влияние песен с их лиризмом, что писателю было важно.

Подвиги Ермака, по справедливому замечанию Карамзина, рождали многие «басни», так как это были «необыкновенные, чрезвычайные» подвиги. Как историк, Карамзин ставит под сомнение истинность всех этих «сказок», но как писатель, он сам увлекается описанием их: «Оставляя баснословие, следуем в важнейших обстоятельствах грамотам и достовернейшему современному повествованию о сем завоевании любопытном, действительно удивительном, если и не чудесном». Следует отметить, что описание это было настолько выразительным, что «поэма»

позже вдохновляла читателей и поэтов, способствуя закреплению в памяти народной образа смелого казака, положившего Сибирь к ногам Отечества.

Как и в исторических песнях, в «Истории...» звучит мотив «покаяния» казаков. И хотя Карамзин предлагает несколько вариантов решения отправиться в Сибирь («кто хотел чести, кто добычи»), главный из них – покаяться и стать честными гражданами России: «Ермак с товарищами прослезился от умиления, как пишут: мысль свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною и променять имя смелых грабителей на имя доблких воинов отечества, тронула сердца грубые, но еще не лишённые угрызений совести».

Столкновение казаков, «удальцов», с неприятелями показано Карамзиным в духе былин, поэтому он прибегает к гиперболе: «Каждый богатырь Ермаков шел на толпу неприятелей, смертоносною пулею убивал одного, а страшным звуком пищали своей разгонял двадцать и тридцать... Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч всадников Маметкуловых, которые неслия, во весь дух, потоптать его: он сам ударил на них...». Так писатель продолжает эпическую традицию в изображении героев.

«Сей бывший атаман разбойников, – пишет Карамзин, – оказав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких доверенность к новой власти, и строгостию умиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей, в земле завоеванной ими, на краю света, не смели тронуть ни волоса у мирных жителей... Грозный, неумолимый Ермак... требовал от дружины не только повиновения, но чистоты душевной». Это авторское отступление, воспевающее роль душевной чистоты высокой нравственности, в эпоху аракеевщины оказало сильное воздействие на современников. Это доказывает тот факт, что Рылеев в знаменитой Думе о Ермаке всецело и во всем следовал Карамзину. Не тут ли коренится успех его думы, вскоре ставшей одной из самых популярных народных песен? А ведь Рылеев, очарованный карамзинским текстом, как бы невольно зарифмовал его.

Интересно, что Н.М. Карамзин будет использовать эпитет «грозный» и для характеристики Иоанна, и для характеристики Ермака. Впервые имя «Грозный» получает Иоанн III, как пишет об этом автор, «но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых послушников». Эпитет «Грозный», данный Иоанну IV, содержит негативную оценку, это указание на жестокость царя. «Грозный» Ермак – строгий атаман, который соизмеряет свои действия с нравственными принципами.

Нравственность Ермака и казаков, которые «вели жизнь целомудренную: сражались и молились», будет подчеркиваться автором на протяжении всей главы. Это и отношение Ермака к пленному Маметкулу, которого он «ласкал и чистил», и «ласковое»

отношение к местным жителям, и, наконец, «целомудренный» поступок атамана по отношению к пленной невесте сына Кучума. Для Карамзина это имело огромное значение, так как поступок гражданина он оценивал, прежде всего, с позиций нравственности. Тем самым автор еще раз подчеркивает и аморальность царских поступков.

За свои заслуги Ермак получил «две брони, серебряный кубок и шубу с плеча царского», а казаки – «вечное забвение старых вин и вечную благодарность России за важную услугу». Карамзин также сомневается в том, хотя об этом и говорят летописи, что Ермак получил звание князя Сибирского. Эти дары царские показывают примирение казаков с царем.

На протяжении всей главы повествование о подвигах Ермака и казаков прерывается авторскими лирическими отступлениями о судьбах героев. Звучит повторяющийся рефрен («Еще судьба благоприятствовала героям!»), который указывает на трагическую развязку событий. И Карамзин переходит к описанию безвременной гибели героя. Подвиги Ермака навечно останутся в памяти народной, настолько силен был этот богатырь и физически, и духовно. Ведь даже мертвый Ермак был настолько страшен татарам, что они поспешили похоронить атамана, над могилой которого долгое время совершались чудеса многие, «сиял яркий свет и пылал столп огненный»! После смерти этого прославленного героя рождаются легенды о его воскресении, о «ермачках», об этом упоминает и Карамзин.

Исторические песни о Ермаке возникают в XVI в. и составляют особую группу в жанре исторических песен. Они записывались среди казаков (на Дону, Тереке и Урале) и в Поволжье. Песни интересны прежде всего тем, что в них, в отличие от созданных в ту же эпоху песен об Иване Грозном, доминирует лирическое начало.

Ермак обрисован в песнях как атаман вольных людей, отважный, умный, решительный, совершающий ради родины героические подвиги, враг «князей-бояр». При этом образ Ермака не индивидуализирован. Это не конкретный атаман Ермак Тимофеевич, а, что характерно для народной лирической поэзии, атаман вообще, образ типизированный.

Самая известная из ермацких песен – песня-раздумье «Выбор атамана» («Дума казаков»). Она известна в разных версиях. В песне используются традиционные сравнения и символы, общие с лирическими песнями («Не ясные соколики сочетались, / Не персидские мазуры собирались»; сравнение с белой лебедушкой, забелевшим снегом).

Речь героев свидетельствует об их мужестве, решительности, желании послужить «матушке-Россиюшке».

В песне изображена вольная казацкая община, не знающая над собой иной власти, кроме «круга» – общего собрания казаков. Круг выбирает из казаков же атамана и есаула, решает, куда идти и что делать, судит, предпринимает военные походы.

Ермак представлен в неразрывной связи со своими добрыми молодцами; облеченный их доверием, он ничего не делает, не

посоветовавшись и не получив их одобрения. В этой песне, как и в других, подчеркивается, что Ермак – один из казаков, такой же, как все. Сам атаман не выделяет себя из «ребятушек», на это указывают местоимения «мы», «нам» и др. Показательно и теплое отношение казаков к Ермаку, которое передается при помощи слов с уменьшительными суффиксами («атаманушка»). Таким образом, в песне отразилась мечта казаков и народа о вольной жизни, поэтому песня была очень популярна.

В песне встречаются постоянные эпитеты, характерные для других жанров народной поэзии («ясные соколы», «добрые молодцы», «синее море» и др.). Однако есть и эпитет (он встречается и в других песнях), выделяющий наиболее важную черту героев – «люди вольные». Это один из любимых эпитетов казаков, подчеркивающий особое положение казачества, выражающий их стремление к независимости.

У уральских и донских казаков были и песни с развернутым эпическим началом о Ермаке, рисовавшие его образ в героическом плане. Они как бы продолжают песню о выборе атамана и думе казаков, служащую к ним вступлением. В уральской песне, записанной И.И. Железновым («Уральцы», III, 271), развивается мотив «покаяния в винах».

Ермак «винится» и «покоряется» только царю, отношение же его к боярам резко враждебно. И бояре в Ермаке также видят врага. На вопрос Грозного князьям-боярам: «Еще что мне делать над Ермаком?» – думный боярин отвечает: «Еще мало нам Ермака казнить-вешати». Ермак за это расправляется с боярином:

Вынимал Ермак из своих ножен саблю вострую –
Буйная голова от плеч могучих отвалилася
И по царским палатам покатилася.

Казачи, ненавидевшие бояр, любовались и гордились таким поведением Ермака, видели в нем своего героя и защитника.

В песне, опубликованной в издании Ф.К. Траилина «Часовой», образ Ермака отличается, так как в нем подчеркивается покорность царю. Придя к царю, «да и падал Ермак на коленочки». Он признает себя виноватым и предлагает отслужить службу – взять Казань город в три часа. Переодевшись в ветхое платье, взяв сумку старческую, он под видом нищего проникает в Казань. Здесь показан обряд переодевания, связанный с оборотничеством. Ермак поступает подобно герою мифологических повествований (архетип царя, вождя, родоначальника). Известно, что сам Иван Грозный любил переодеваться нищим, а в 1574 г., как указывают летописи, царь вместо себя посадил на трон Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина, касимовского хана) и венчал его царским венцом. Эту историю сравнивают с карнавальным венчанием ложного короля, восходящим к древним обрядовым ситуациям обмена социальными положениями (раб-государь), а также с древневосточным (ассирийским и

хеттским) обрядом замещения царя на троне в неблагоприятный по астрологическим данным период, когда царю грозит смерть.

В Казани Ермак находит пороховую казну, а затем указывает, где делать подкоп:

Да за то царь жаловал ево князем,
Подарил Ермаку он славной, Тихай Дон.

Дар – это символ передачи власти, благословения, славы, удачи. Царское благословение означало и благословение бога. Получив царские доспехи (в других вариантах Дон, Терек и т.п.), Ермак становится, непобедимым.

Важно отметить, что Ермак и казаки никогда не выступали против царя. Так как царь воспринимался ими как справедливый правитель. Зато во всех песнях можно увидеть враждебное отношение казаков к боярам – истинным врагам государства.

С любовью дается в донских песнях обобщенный портрет Ермака, при создании которого использованы образы величальных песен:

Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку;
Кармазинную черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правой бочок...

В донских песнях нет упоминаний о сибирском походе Ермака. Главный же подвиг Ермака в них – взятие Казани. У уральских казаков о взятии Ермаком Казани песен нет, но по преданиям он был там.

В ряде случаев Ермак изображается героем тех событий, в которых он действительно принимал участие. Художественный образ редко содержит индивидуальные черты своего прототипа. Народ домысливал образ Ермака, создавал его соответственно своим представлениям о народном вожде. Делая Ермака участником и героем сражений, в которых он не участвовал, казаки, однако, не создали песен о сибирском походе.

Подробно повествуется о походе в Сибирь только в песне из сборника Кириши Данилова «Ермак взял Сибирь», которая является, скорее всего, преданием. Интересно это предание тем, что в нем выражены народные взгляды на сибирский поход, на Ермака.

У Кириши Данилова образы Ермака и казаков имеют героический характер. Это храбрые, мужественные и смекалистые люди; чтобы победить, они применяют хитрость: делают соломенных людей, которых сажают в лодки. Мужество Ермака, его верность товарищам раскрываются не только в батальных картинах, но и в конечном эпизоде – смерти Ермака (имеющемся только в одном этом произведении). Ермак погибает, потому что поспешил на выручку товарищей, на которых внезапно напала татарская сила.

Таким образом, подвиги Ермака, славные страницы истории казачества шли в том же русле, что и вечевые традиции, любовь псковичей и новгородцев к своим республиканским учреждениям и традициям, к

таким символам самобытности и воли, как вечевой колокол, как св.София, исторически сложившийся уклад жизни, так долго сохранявшийся в крестьянском быту с его мирскими сходками, «народосоветием».

© О.И. Станкевич

Екатеринбург

ПОЭЗИЯ ПЕСТОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАЦИИ «МАТЬ И ДИТЯ» РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе контакта матери с ребенком можно выделить два типа связей: интимно-личностное общение и социальное взаимодействие. Интимно-эмоциональный тип характеризуется непосредственным, сиюминутным, импульсивным характером, «интуитивным знанием матери» (можно воспользоваться термином Д.В. Винникотта – «holding»). Сложившаяся традиционная культура взаимоотношений матери с ребенком дает и способы опосредованного взаимодействия с ребенком. Следовательно, через формы культуры мать может наладить уже не только сиюминутное общение с ребенком, основанное на переживании, а построить более сложные формы социальных взаимоотношений.

Специфика научного исследования предполагает выделение и некоторое обособление выделенных типов связей, но в реальной жизни они, безусловно, существуют как целостный организм. Поэзия пестования становится своеобразным мостиком, соединяющим два типа связей, поэтому продуктивно изучение ее не только с точки зрения определенных социокультурных форм организации взаимодействия матери и дитя, с позиций познавательных возможностей ребенка понимать и осваивать окружающий мир, но и как средства интимно-личностного общения, продукта коллективного бессознательного.

Придавая большое значение процессам эмоционально-интимного характера коммуникации пестуны и дитя, заметим, что строятся эти отношения все же на основе уже выработанных традиционных форм общения. Показательными в связи с этим являются обращения к ребенку, записанные непосредственно в бытовой обстановке: «бумажная душа», «вертелка», «пищалка», «живулечка», «маковка», «ягодка», «золотиночка», «золотой», «тарактелка» и др. Их можно разделить на две группы.

К первой группе мы отнесем обращения, ставшие традиционными и бытующие во всевозможных вариантах. В качестве примера приведем следующую группу родственных слов: «золотце», «золотиночка», «золотулечка», «золотинка», «золотулька», «золотой» и т.п.

Вторая группа содержит обращения, представляющие собственное творчество пестуны, нередко сиюминутные импровизации («бумажная душа», «вертелка», «пищалка», «кашлунчик» и др.). Однако подобное